

«ЛИФЛЯНСКАЯ ХРОНИКА» СОЛОМОНА ГЕННИНГА*

В 1590 г. в Ростоке вышло посмертное издание «Лифляндской хроники» Соломона Геннинга (1528–1589)¹. Об ее авторе известно не очень много: родился в Веймаре, учился в нескольких немецких университетах (Виттенберге, Лейпциге, Эрфурте и др.). В 1553 г. после встречи в Любеке он стал секретарем будущего последнего магистра ордена Готарда Кеттлера, принимал участие во многих политических событиях (в том числе в разработке и подписании Виленских соглашений), выполнял дипломатические миссии², в конце жизни занимался миссионерством. Позже Геннинг написал свою хронику как апологию и оправдание деятельности первого герцога Курляндского, Готарда Кеттлера.

Дебют Геннинга на ниве прославления первого правителя Курляндии состоялся в 1589 г., когда в том же Ростоке вышла его подборка похвальных речей, сочинений о Кеттлере, документов о Курляндии (в частности, посланий польских королей), датированных 1570–1587 гг., изображающих в выгодном свете Курляндию и ее первого правителя³. Это было своего рода посмертной эпитафией Кеттлеру, скончавшемуся в 1587 г.

* Статья написана по проекту 5.38.62.2011 Тематического плана НИР СПбГУ, Мероприятие 2: «Россия и Балтийский мир в Средние века и Новое время».

¹ *Henning S.* Lifflandische Churlendische Chronica: was sich vom Jahr Christi 1554 biss auff 1590, in der langwierigen Moscowiterischen und andern Kriegen an nothdrenghlicher veränderunge der Obrigkeit und Stände in Lieffland seider dess letzten herrn Meisters, und Ersten in Lieffland zu Churland und Semigalln Hertzogen, gedenckwirdiges zugetrage. Rostock, 1590.

² Их перечень см.: *Recke J.; Napiersky K.* Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexicon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland. Zweyter Band. G-K. Mitavi, 1829. S. 237–239.

³ Warhafftiger vnd bestendiger Bericht wie es bißhero vnd zu heutiger stunde in Religions sachen Im Fürstenthum Churland vnd Semigaln in Lieffland ist gehalten worden : nebenst dem leben vnd seligen sterben Weylands des letzten Herrn Meisters vnd ersten Hertzogen zu Churland etc. so wol einer Paraenesi, Christlicher vnd trewhertziger Warnunge vnd vermanunge an die Herrn

После издания в Росток хроника была переиздана в 1594 г. в Лейпциге, и неоднократно публиковалась в последующие годы⁴. Внимание ученых и историков Ливонской войны она привлекала мало. В 1874 г. небольшое исследование посвятил ей Т. Шиманн⁵. Его книга до недавнего времени оставалась единственной, специально посвященной данной хронике. В 1990-е гг. одновременно с переводом на английский язык коллективом под руководством В. Урбана были созданы пространные фактологические комментарии⁶. Несколько страниц обзору хроники уделено в новейшей монографии Д. Хормута, посвященной ливонской историографии⁷. Но место «Хроники» Геннинга в нарративе Ливонской войны так и остается малоизученным.

Главная ценность хроники в оптике взгляда ее автора — это взгляд ливонца, напряженно ищущего выход из сложной политической ситуации, в которой оказалась Ливония во второй половине XVI в. Сохранить суверенитет невозможно, потому вопрос — какую модель избрать, под чье покровительство перейти. Геннинг на страницах своего сочинения⁸ рассматривает несколько возможных путей выбора политической судьбы. Есть путь Кеттлера, и не пытавшегося спасти орден, но сразу выбравшего своим сюзереном польского короля и получившим взамен Герцогство Курляндское, в котором пытался, насколько это возможно, сохранить остатки ливонской культуры и социума. Есть путь Магнуса, который сначала хотел построить в Ливонии датскую колонию, а затем захотел собственное Ливонское королевство, решил построить его с помощью русских и в итоге претерпел политический крах⁹. Есть путь Северной Эстонии, перешедшей под власть

Räthe Ritter vnd Landschafft desselben löblichen Fürstenthumbs Wie sie sich auch hinfuro gegen Gott ... erzeigen sollen .... Rostock, 1589. Переиздано в: *Scriptores Rerum Livonicarum*. Riga; Leizig, 1858. Т. II. S. 291–330.

⁴ В 1594 и 1595 гг. вышла в Лейпциге. Другие переиздания: 1) *Liffendische churlendische Chronica : was sich vom Jahr Christi 1554 biß auff 1590 gedenckwürdiges zugetragen; mit einer Vorrede von D. Davidis Chytrael*. Riga, 1848; 2) переиздание Т. Кальмейера (Theodor Kallmeyer): *Henning S. Salomon Hennings' liffendische churlendische Chronica von 1554 bis 1590 und Bericht in Religionsachen...* Riga, 1857; 3) опубликована в 1858 г. в: *Scriptores Rerum Livonicarum*. Т. II. S. 195–289; 4) в 1968 г. факсимильное издание лейпцигской публикации 1594 г. вышло в Ганновере: *Liffendische Churlendische Chronica: was sich vom Jahr Christi 1554 biss auff 1590 in den langwierigen Moscowwiterischen vnd andern Kriegen ... Gedenckwürdiges zugetragen*. Hannover, 1968.

⁵ *Schiemann T.* Salomon Hennings Livländischkurländische Chronik. Mitau, 1874.

⁶ Salomon Henning's Chronicle of Courland and Livonia / Translated, with introduction and notes by J. Smith, J. Ward Jones, and W. Urban; ed. by V. Zeps. Dubuque, Iowa: Baltic Studies Center, 1992. Книга в онлайн-версии: <http://department.monm.edu/history/urban/books/Henning.html> (последнее посещение 12 декабря 2011 г.)

⁷ *Hormuth D.* Livonia est omnis devisa in partes tres. Studien zum mental mapping der livländischen Chronistik in der Frühen Neuzeit (1558-1721). Stuttgart, 2012. S. 77–92.

⁸ Ссылки на текст хроники мы даем по ее лейпцигскому изданию 1594 г. в тексте в скобках.

⁹ Геннинг описывает прозрение Магнуса — когда он, не в силах вынести русскую агрессию, в ответном письме к Ивану Грозному называл свое герцогство «маленькая страна Бога» (*Gottes Ländischen*), и перед подданными выразил убежденность в том, что Господь больше не позволит угнетать его народ (F. 63b).

Швеции. Есть робкие попытки найти помощь в Пруссии, Священной Римской империи.

Единственная альтернатива, полностью отрицаемая Геннингом — это московитская. Русские для хрониста — однозначно жестокие, беспощадные, кровавые враги, которые могут нести Ливонии только смерть и разрушение. Сотрудничество с ними невозможно — как с Дьяволом.

Геннинг выступает апологетом модели Кеттлера — спасти старую Ливонию было нереально, поэтому он где-то даже осуждает Фюрстенберга и других рыцарей, пытавшихся противиться неизбежному. За это Бог наказал их трудной судьбой¹⁰ — тот же Фюрстенберг умер в московском плену. А Кеттлер, который вовремя понял необходимость обменять суверенитет на защиту Короны Польской, поступил правильно, и сумел создать в Курляндии для своих подданных благополучную жизнь, максимально сохранив остатки древней Ливонии. Отсюда и апологетика Кеттлера.

Это настоящий панегирик со стороны верноподданного и соратника. Автор помещает в начале своей хроники предисловие Д. Хитрея¹¹, в котором Кеттлер изображен олицетворением Божественного миропорядка, когда гармонию на земле обеспечивают установленные Богом власти земные (F. Ia). Их праведная власть, во-первых, славит Господа, во-вторых, сама по себе является свидетельством Божьей мудрости и благоволения. Успешность правителя — в руках Божьих. Именно таким богобоязненным и достойным похвалы правителем был Кеттлер. Его

¹⁰ Тема наказания и Воздаяния вообще одна из центральных у Геннинга — Россия за нападение на Ливонию также была наказана нашествием татар и московским пожаром 1571 г. (F. 52a). В другом месте, рассказывая о болезни русского посла, Геннинг пишет, что русские виноваты и так им и надо, это им месть за злодеяния, совершенные в Ливонии (F. 57b). Русский царь Иван IV закончил свои дни трагически и позорно, как это часто бывает с тиранами: убил своего сына (поспорив с ним о войне в Ливонии) и умер сыноубийцей, больше не зная ни одной счастливой минуты (F. 73b).

¹¹ Девид Хитрей (David Chytraeus, 1530–1600), немецкий теолог, историк, ректор Ростокского университета, в своих сочинениях неоднократно обращался к ливонской проблематике. Он приводит краткое описание Ливонии в «Вандалии и Саксонии» (*Chytraeus D. Vandaliae et Saxoniae A. Cranzii continuatio, ab anno Christi 1500, ubi ille desiit; per studiosum quendam historiarum instituta. Accessit Metropolis seu Episcoporum in viginti dioecibus Saxoniae catalogus, usque ad praesentem annum 1585 deducta. Wittenberg, 1586. F. 22–24. Сочинение является продолжением «Вандалии» Альберта Кранца, вышедшей в 1519 г.). В его «Саксонской хронике» Ливонской войне уделено несколько страниц, в основном компилятивных (*Chytraei D. Chronici Saxoniae i vicini orbis Arctoi: Par Tertia. Ab anno Christi 1550 vsq ad 1580. Lubecae, 1593. S. 99–101, 103–107, 118–126, 155–156, 160–168, 230–235, 262–309 (условия II Виленского соглашения), 322–324, 325–344, 396, 433–435, 459–469, 507–511, 527–528, 537–538, 547–549, 554–559 (бескорольевья), 567–568, 570–580 (война за Данциг Батория), 606–612, 626–661; Chytraei D. Chronici Saxoniae i vicini orbis Arctoi: Par 4. Ab anno Christi 1580 vsq ad 1593. Lubecae, 1593. S. 19–23). О нем см.: *Delloff K. David Chytraeus als Geschichtslehrer und Geschichtschreiber. Rostock, 1908; Keller R. Die Confessio Augustana im theologischen Wirken des Rostocker Professors David Chyträus (1530–1600). Göttingen, 1994; David Chytraeus (1530–1600). Norddeutscher Humanismus in Europa. Beiträge zum Wirken des Kraichgauer Gelehrten / Hrsg. von K.-H. Glaser. Ubstadt-Weiher, 2000.***

приход к власти можно называть Божественным благословением, через которое Бог милостиво исцелял Ливонию от страшных бедствий и разрушений, причиненных войной, восстанавливал рухнувший социальный порядок, истинную мораль и справедливость. Кеттлер стал инструментом восславления Бога, а Господь его наставлял и помогал во всех делах, наделил его мудростью, щедростью, добротой, чувством справедливости и т.д. (F. IIa). Он защитил его от московского уничтожения не через меч и лук, но через особое покровительство Господа и ангелов. Символом судьбы Кеттлера может быть цитата из Псалтыри: «Милость же Господня от века и до века к боящимся Его, и правда Его на сынах сынов, хранящих завет Его и помнящих заповеди Его, чтобы исполнять их» (*Пс. 102: 17–18*). Его можно сравнить с Давидом, Ионафаном и другими великими библейскими правителями.

Подобной канонизации не знал даже Стефан Баторий, которого восхваляли все-таки большей частью в светском контексте. К тому же реальные дела Кеттлера, выступившего фактическим ликвидатором Ливонского ордена и инициатором передачи своей страны под власть иноземцев, далеко не во всем соответствуют такому святому облику. Но оптика хрониста-историка может быть разной, и очень разной. Для Хитрея (как и для Геннинга) было важно, что Кеттлер хоть как-то пытался сохранить культуру, социальные стандарты, образы Ливонии — пусть и в виде вассального Курляндского герцогства. За этот поступок ему прощалось все остальное...

Хронист добивается такого эффекта несколькими способами. Прежде всего, Кеттлер под его пером — христианский миссионер, который заботится о распространении веры Христовой среди аборигенов, эстов, латышей и куров, думает об открытии школ, поощряет ценными подарками внимание крестьян к церкви. Переход под покровительство Короны Польской — шаг вынужденный и в какой-то степени знак христианского смирения, то есть этот поступок, наоборот, характеризует Кеттлера положительно¹². Ведь северная Эстония была у шведов, часть страны захвачена москвитями, некоторые ливонцы не желали подчиняться магистру, польский король требовал замки в обмен на предоставление защиты — что еще оставалось делать? Главное, что приверженность христианству, отстаиваемая Кеттлером, удерживала страну в рамках «христианского мира», Священной Римской империи (F. IVb, VIa, VIb).

Второе — Кеттлер идеальный правитель, потому что своим личным поведением служит примером для подданных (доблестный воин, праведный судья, добропорядочный семьянин (о семейных делах в хронике вообще говорится довольно много), истовый верующий и т.д.). Это воплощенная во плоти сама христианская добродетель (F. VIa, VIb). Это образцовый правитель, в жизнь которого, как в

---

¹² Геннинг вообще большой моралист именно с позиций христианской нравственности. Описывая двойное предательство Таубе и Крузе (предали ливонцев, а потом изменили и Ивану Грозному) он осуждает их и за сотрудничество с врагом, и за то, что принесли ему клятву верности (хронист ее даже цитирует), потом цинично ее нарушили, погубив свои души (F. 52a–53 b). То есть их грех клятвopреступления затмевает то, что они его сделали во имя интересов Ливонии.

зеркало, стоит глядеться молодым правителям (предисловие Хитрея адресовано Вильгельму Кеттлеру, сыну Готарда, следующему курляндскому герцогу, правившему совместно с братом Фридрихом).

Свое историческое изложение Геннинг начинает с 1554 г., когда был заключен роковой для Ливонии договор о Юрьевской дани. Но главным событием года для хрониста, которое стоит в центре повествования, оказывается вовсе не этот договор (который даже не упоминается), а избрание Кеттлера комтуром Динабурга. Здесь же рассказывается о его выдающихся качествах политика и человека и искусстве дипломата, умеющего наладить отношения прежде всего с соседними Польшей и Литвой (в отличие от других ливонских политиков) (F. 4b). Кеттлер — единственный, кто отважился противостоять москвитам зимой 1558 г., когда руководство ордена было растеряно, а святые отцы Дерптского архиепископства погрязли в интригах и жадности. Кеттлер со своим отрядом героически преследовал врага и непременно догнал бы и разбил, да русские успели уйти за реку Нарову (F. 11b)¹³.

Кеттлер выступает спасителем страны, в июле 1558 г. фактически став правителем ордена¹⁴. Он не хотел занимать столь высокий пост, скромничал, говорил, что недостойн принять такую ношу, но он был лучший, и его избрали и заставили править. Он тут же обнаружил, что казна пуста, все деньги делись неизвестно куда. Следовательно, Ливония сама не сможет нанять солдат для обороны. Кеттлер поступил мудро, стал искать защиты у иностранных монархов (F. 14b–15a). Обращение к польскому королю состоялось в зимнее время, когда все морские пути сообщения с Европой были прерваны, а помощь из-за нового нашествия москвитов была нужна срочно (тем самым его поведение вполне оправданно).

Польский монарх, Сигизмунд II Август, оказался единственным физически доступным правителем, способным оказать такую помощь, в обмен за замки, которые он обещал вернуть после войны за соответствующую финансовую компенсацию (F. 18b). Он единственный, кто не погряз в прекрасноразговорах, «как бы нам спасти бедную Ливонию», а ввел войска, которые стали стражаться с москвитами (F. 29a). Король ненавидит и презирает русских, отказался от выдачи замуж своей сестры за Ивана IV, хотя тот обещал ему за этот брак «половину Ливонии» (F. 30a). Наконец, из слов Геннинга следует, что ливонцы рассчитывали на подконтрольность Короны Польской Священной Римской империи, что Сигизмунд II будет действовать с оглядкой на императора и во многом в его интересах (F. 29b). Поэтому они так легко и согласилась на переход под сюзеренитет Короны.

Кеттлер получил герцогский и титул и Курляндию не совсем по своей воле: его упростили остаться правителем хотя бы части бывших ливонских земель его

¹³ В других хрониках роль Кеттлера как спасителя Отечества оценивалась гораздо скромней. Ф. Ниенштедт пишет, что Кеттлер не решился выступить против русских и беспомощно топтался в трех милях перед Нарвой (*Ниенштедт Ф.* Ливонская хроника // Сборник материалов и статей, относящихся к истории Прибалтийского края. Рига, 1880. С. 355–400; Рига, 1883. Т. 4. С. 15).

¹⁴ Речь идет о неформальном политическом лидерстве. Кеттлер официально занял должность магистра в мае 1559 г.

подданные, боявшиеся быть брошенными на произвол судьбы (F. 30a–30b). Он сделал правильный выбор, не соблазнившись на горы золота, которые ему сулил Иван IV (в отличие от датского принца Магнуса — F. 51a). Победа над Московией в 1582 г. — «мир, который сотворил Господь» (F. 71b)¹⁵, и одержать ее могли только хранители истинной веры, не павшие духом и не соблазнившиеся на искушения судьбы — такие, как Кеттлер (он фигурирует в числе победителей, хотя, учитывая реальные обстоятельства конца войны, говорить о роли Курляндии в разгроме московитов странно).

Примечательны оценки Геннингом принципиальных моментов ливонской истории. Саму Ливонию он называет «яблоком Эриды» (яблоком раздора) и «золотом Тулузы» (*aurum tolosanum*)¹⁶. Захват этой земли всем приносил только несчастья: Немецкий орден занял эти земли и погряз в междоусобицах, внутренних войнах, конфликтах рыцарей и епископов, которые в итоге и привели к его гибели. Пруссия и Мекленбург, пытавшиеся вмешаться в ливонский вопрос, ничего не приобрели. А Пруссия незадолго до этого вообще потеряла суверенитет. Польша из-за Ливонии вступила в войну с Московией и потеряла Полоцк. Потери и разорения в Прибалтике понесла Швеция (точнее, Княжество Финляндское). Свой урон понесли датские владения в балтийских землях. И даже Россия, которая так хорошо начинала в 1558 г., закончит огромными потерями крепостей и земель в 1582 г.

Вывод Геннинга из всего этого несколько неожиданен: а вот если бы вместо раздела несчастной Ливонии все бы эти страны объединились и воевали бы с турками, то они нанесли бы им поражение и обеспечили торжество «христианского мира» (F. 37b). Турки здесь традиционно выступают мерилем истинно «христианского поведения», совершенно необходимым компонентом картины мира европейского интеллектуала, мерилем «правильности» политических решений.

Ливония же, по Геннингу, и в этом он не оригинален, виновата и понесла ответственность за свои грехи. Она изображается островком христианства на границе бушующего моря московского варварства, последним форпостом Запада. Русские постоянно нападали и причиняли страшный урон христианам. Но их усмирил в 1501 г. выдающийся полководец, магистр Плеттенберг, уничтоживший в битве 40 000 русских. И они после поражения заключили перемирие на 50 лет (F. 1a). Как мы видим, Геннинг продолжает тиражировать распространенную ошибку, исключая из истории русско-ливонских отношений все русско-ливонские договоры первой половины XVI в. Вряд ли он мог, как высокопоставленный чиновник, о них не

---

¹⁵ По приказу Кеттлера, день 15 января был объявлен в Ливонии ежегодным праздничным днем в честь победы над московитами (F. 71b).

¹⁶ Согласно легенде, в 684 г. от основания Рима (около 70 г. до н. э.) на город Тулузу напали римляне во главе с консулом Сципионом. Среди трофеев было золото, возможно, из святыща. Однако на обратном пути на флот Сципиона напали враги, золото до Рима не доехало, а сам Сципион попал под суд. Все, кто имел отношение к золоту, получили несчастливую судьбу, их всю жизнь преследовали бедствия. В средние века ходила поговорка: «*Habet aurum Tolosanum*» («У него золото из Тулузы»). Так говорили о человеке, на котором печать несчастья, у которого ничего не выходит, хотя, казалось бы, сначала он сумел разбогатеть.

знать. Значит, он сознательно шел на поддержание мифа о 50-летнем мире, достигнутом благодаря грандиозной победе ливонского оружия.

Плеттенберг сдерживал русских, но после его смерти Иван IV стал активно завоевывать соседние государства, покорил «империи» Казань и Астрахань. Это было результатом его кровожадности, молодости, жажды власти. Он упивался своей тиранией, и, несмотря на это, был любим народом — перед смертью большинство русских произносит: «Боже, благослови великого князя». Геннинга, как и других европейцев, мучает вопрос, почему же москвиты любят тирана, если он их жестоко угнетает, вплоть до казней и смертоубийства? Ответ прост: русские страшно напуганы и живут в вечном страхе (Ф. 58а). Поэтому у них в голове и нет других мыслей. Кроме службы своему деспоту, так похожему на восточных сатрапов (Геннинг приводит несколько легенд о тираннии и жестокостях восточных правителей).

Итак, тиран-Московит устремил свой взор на Ливонию — ее захват давал прекрасные возможности двигаться дальше и покорять себе все новые и новые христианские страны и народы. Для этого царь должен был цивилизовать свой варварский народ, завести из Европы знания, технологии, ремесленников, артиллерию и т.д. Далее Геннинг излагает дело Шлитте и даже цитирует грамоту о его полномочиях (Ф. 1а–2а).

Русские использовали 50 лет мира для подготовки к войне, а Ливония погрязла в грехах, разврате, обжорстве, пьянстве, междоусобицах (как пример приводится война на Эзеле), религиозном нестроении и преступлениях отдельных должностных лиц. Неизбежно было наказание Господне за такие грехи, и Бог в качестве первого знака наслал эпидемии и голод. И хотя много людей погибло, для вразумления ливонцев этого оказалось недостаточно. Их судьба описана в 26 главе Книги Левит¹⁷ (F2b–3b). Символом грядущих бедствий выступает повисшая над Ливонией комета (Ф. 5b). Здесь очевидны реминисценции и заимствования из «Хроники» Рюссова, по своему идейному содержанию восходящие еще к Бреденбаху. В дальнейшем Геннинг возвращается к этой мысли, подчеркивая, что судьбы многих из участников событий, приведших Ливонию к вражескому вторжению, сложились трагически (напр., Ф. 10а).

¹⁷ 26-я глава Книги Левит призывает не впадать в грех беззакония, не поклоняться лживым Богам и внимать предупреждениям Господа. Если же этого не происходит, то Бог наказывает народ нашествием иноплеменных: «Оставшимся из вас пошлю в сердца робость в земле врагов их, и шум колеблющегося листа погонит их, и побегут, как от меча, и падут, когда никто не преследует, и споткнутся друг на друга, как от меча, между тем как никто не преследует, и не будет у вас силы противостоять врагам вашим; и погибнете между народами, и пожрет вас земля врагов ваших; а оставшиеся из вас исчухнут за свои беззакония в землях врагов ваших и за беззакония отцов своих исчухнут;

40 тогда признаются они в беззаконии своем и в беззаконии отцов своих, как они совершали преступления против Меня и шли против Меня, [за что] и Я шел против них и ввел их в землю врагов их; тогда покорится необрезанное сердце их, и тогда потерпят они за беззакония свои» (Лев. 26: 36–42)».

Конкретным поводом, ввергшим страну в хаос, Геннинг считал решение Вольмарского ландтага 1546 г., по которому иностранный принц мог теперь занимать в Ливонии высшие должности. Это, по его мнению, нарушило традиции, создало угрозу суверенитету и вызвало брожение среди ливонских ландсгерров. Это решение спровоцировало действия архиепископа Вильгельма, вызвавшие вмешательство Короны Польской и «войну коадьюторов» (F. 3a–3b), хотя инциатором последней Геннинг считает магистра фон Галена (F. 5b).

Хронист также утверждает, что Иван Грозный узнал о Позвольском договоре 1557 г. и о секретном соглашении о ливонско-литовском антирусском союзе, очень рассердился, и это было одной из причин его агрессии. Именно из-за этого он выдвинул требование «юрьевской дани», чтобы принести вред Ливонии (здесь у Геннинга явно нарушена хронология событий). Далее он приводит взаимоисключающие высказывания: с одной стороны, он подтверждает версию об «ошибке переводчика», пишет, что дерптский епископ и его люди согласились только провести расследование, насколько законны требования о дани. Но через несколько строк утверждает, что ливонцы были готовы пойти на все, чтобы избежать войны, собрали дань и отвезли в Москву деньги. А следующее посольство ливонцев во главе с Крузе приехало без денег, хотя они были собраны. А царь Иван в своей злобности и несправедливости все равно напал на Ливонию. Вторжение началось 22 февраля, за 14 дней до этого он прислал объявление войны. Здесь явно спутаны разные события, посольства и т.д., и из их смешения вырисовывается сконструированная картина противостояния благородных и миролюбивых правителей Ливонии с агрессивной Московией (F. 10b–11b).

При описании «войны коадьюторов» (F. 5b–9b), которую он называет гражданской войной — «третьей язвой», которая может поразить народы — хронист сочувственно отзывается о Каспере фон Мюнстере¹⁸, указывая на то, что все его пророчества и обвинения в адрес Фюрстенберга сбылись. Фюрстенберг же ему несимпатичен, поскольку позорно и неуважительно вел себя при аресте Вильгельма Бранденбургского и вообще явился виновником многих бедствий. Из оригинальных оценок следует отметить негативные высказывания Геннинга в адрес дипломатической миссии Священной Римской империи при Позволе — послы не смогли заступиться за Ливонию и не спасли ее (F. 10b). Любопытно, что Геннинг вообще придает повышенное значение Позволу — последующие Виленские соглашения и превращение Ливонии в вассала Короны он считает логическим следствием и развитием Позвольского договора, особенно в отношении совместного военного противостояния России (F. 34a).

Пессимистические оценки в отношении Ливонии и ее правителей переносятся и на историю войн за Прибалтику. Геннинг изображает поведение ливонцев в войне с русскими бестолковым: например, их войска, выдвинувшиеся на защиту Нарвы, не могут найти дорогу и беспомощно топчутся в нескольких милях от нее,

---

¹⁸ Ниже Геннинг описывает страшную смерть фон Мюнстера в Ашерадене в 1577 г., когда русские просто выкинули старика умирать за стены замка (F. 63a), и при этом замечает, что каждого человека, независимо от того, каких высот он достиг, настигает его судьба.

пока русские захватывают город. Процветает предательство, в том числе высокопоставленных нарвских горожан (F. 12b). Ливонцы похожи на многоголовую змею, оказавшуюся в пылающем кусте: все головы тянут в разные стороны, кричат о своем пути спасения, и в итоге змея может погибнуть (F. 50a). Ландсгерры и их чиновники бесконечно совещаются, склочничают и не могут предложить ничего путного для обороны, а тем временем московиты наступают, а ливонская армия небоеспособна и не может их удержать (F.13b). Ливонцы дошли до того, что предпочитают сдаваться русским, чем ждать помощи от ландсгерров, потому что их никто не защищает, а добровольная сдача в плен гарантирует жизнь (F. 14a). Возникает проблема неуплаты наемникам положенного жалования, из-за чего они бросают крепости и не хотят сражаться (F. 22b, 23b–24a). Наемники пьянствуют и веселятся с девочками вместо обороны и в итоге сдают русским даже такую первоклассную крепость, как Гапсаль — русские командиры потрясены, они не представляют, что с ними сделал бы царь, если бы они не удержали столь мощную твердыню (F. 58b).

В описании зверств русской армии в Ливонии Геннинг по колориту превосходит многих предыдущих хронистов. Особенно досталось от него Шигалею, который лицемерно лил «крокодиловы слезы» над страданиями ливонцев, несущих муки и кару за их измену и неповиновение Ивану IV. А сам приказывал мучить людей: вспарывать животы беременным женщинам и убивать младенцев, насыпать порох в раны и взрывать людей, надрезать горло и заставлять людей лежать и захлебываться в собственной крови, обмазывать связанных живьем смолой и поджигать. Изнасилования, в том числе малолетних девочек, приобрели массовый характер. Наконец, татары отнимали детей от груди матери, разрубали их на части, отрывали руки и ноги, вспарывали животы, доставали внутренности, жарили и ели детское мясо. Таким образом Шигалей надеялся вразумить ливонцев и принудить их к миру (F.11b–12a).

Подробные описания зверств московитов в Ливонии, написанные, впрочем, достаточно стандартно, с перечислением разных видов убийств, издевательств и мучений, с акцентом на изнасилования и убийства детей, встречаются и в других частях хроники (F. 18a, 24a, 24b, 53a, 54b, 56b, 62a, 63a, 65a, 66a, 68a, 69b–70a). Русские традиционно сравниваются с турками и язычниками. Они ведут себя в Ливонии, как пантера с обезьянами: притворяются добрыми и милосердными, «ждут, когда обезьяны спустятся с деревьев», а потом нападают на них и являют свою звериную сущность (F. 47b). Особенно масштабный грабеж происходил при выводе русских войск из Ливонии. Геннинг комментирует это цитатой из Эразма Роттердамского: «Солдаты всегда становятся хуже от запаха мира» (F. 76b).

Очевидна дискурсивность многих описаний ливонских трагедий у Геннинга. Например, он рассказывает о том, как жители Вендена решили подорвать себя, чтобы не попасть в руки московитов (F. 66a, сюжет явно заимствован у Гейденштейна). И пишет: «Надо было видеть...» скорбь людей, собравшихся в круг на коленях с молитвою над пороховым погребом. Все так, только потом эти несчастные жители Вендена, согласно хронике, взорвались — откуда же тогда

известны подробности их молитвы, кто же видел эту душераздирающую сцену, описанную с такими подробностями, от которой, по словам Геннинга, сердце тысячекратно могло выскочить из груди? Ведь никто не остался в живых... Факт самоубийства группы прихожан Вендена упоминается многими хронистами и весьма вероятно. Только вот подробности, похоже, Геннинг сочинил по литературному шаблону: «Как должны погибать истинные христиане перед лицом варваров и нехристей».

Жестокость русского царя распространяется и на своих подданных. Геннинг рассказывает о репрессиях 1568–1569 гг., когда группа русской знати якобы хотела сбежать в Польшу. Царь в ответ приказал убивать их, членов их семей, детей, слуг, скотину, собак, кошек и вплоть до рыбы в прудах, чтобы любая память о них была стерта с лица земли (F. 46b). Царь вообще ведет себя как школьный учитель, палками вбивающий любую провинность в головы нерадивых подданных. У тех же, кто служит московитам, «даже совесть в плену» у царя (F. 55b).

На страницах своей хроники автор хвалит Польшу и критикует позиции европейских стран в отношении Ливонии, изображает их враждебными к бедной Ливонии, корыстными и предвзятыми (Швеции — F. 19a, 25–26 a, 27b, 28a, 35a, 38b, 39b, 56a; Дании — F. 23a–23b, 25a, 36b, 76a–76b; Священной Римской империи — F. 29a, 50a) Именно Швецию он считает виновником раскола Ливонии: в 1561 г., когда страна еще считалась частью Священной Римской империи, а союз с Польшей предполагал еще только военную помощь в обмен на замки, которые после войны можно было бы выкупить, Швеция пользуется ситуацией и в ответ на обращение дипломатов из Ревеля захватывает Ревель и другие пункты в Северной Эстонии (F. 28a–28b). Несмотря на попытки ливонских политиков сохранить целостность страны, было поздно, началось ее растаскивание по владениям отдельных монархов.

После 1561 г., по Геннингу, конфликт перешел в плоскость военного противостояния России и Польши. Их вражда описывается очень пафосно. Приводится обмен грамотами (или вымышленными, или сильно искаженными при пересказе), якобы имевший место между Иваном Грозным и Сигизмундом II сразу после перехода Ливонии под сюзеренитет Короны. Русский царь негодовал, что поляки осмелились захватить Ливонию, объявлял о «вечной вражде», обещал войны, кровопролития и опустошение (F. 34b). В ответ Сигизмунд заявил, что тоже обрушится на московитов войной, обратит их в бегство и будет безжалостно преследовать, и нанесет главный удар прежде всего под Смоленском, там, где предки блистательно выиграли сражение (видимо, имеется в виду битва под Оршей в 1514 г., F. 35a).

Впрочем, высказывания Геннинга о Польше и Литве иногда настолько наивны, что граничат с презрением и уничижением в отношении этих стран. Рассказывая о взятии Иваном Грозным Полоцка в 1563 г., он приводит рассуждения ливонцев: ничего страшного, деревянные города в силу их незначительности можно терять. Наступление русских войск на Вильно, по его мнению, не состоялось из-за того, что русским пообещали пригласить на польский престол либо само Ивана, либо

кого-то из его детей после смерти бездетного Сигизмунда II Августа (F. 38a). Литву он откровенно называет «отсталой страной» (F. 46b).

В целом хроника Геннинга заслуживает гораздо большего внимания историков, чем это было до сих пор. По информативности она немного уступает Рюсову и превосходит Реннера в силу большего хронологического охвата. По обращению к апологетике Кеттлера и преимущественному вниманию к Герцогству Курляндскому она занимает свою особую историографическую нишу. Другие хроники уделяют куда меньше внимания многим сюжетам, раскрытым Геннингом. По некоторым оценкам хронист оригинален и позволяет нам более полно высветить весь спектр дискурсов, бытовавших в ливонском обществе во второй половине XVI в. То, что это взгляд из 1580-х гг., позволяет говорить о некоторой завершенности, конечности осмысления войны в Ливонии в конце XVI в.

Данные о статье

Статья написана по проекту 5.38.62.2011 Тематического плана НИР СПбГУ, Мероприятие 2: «Россия и Балтийский мир в Средние века и Новое время».

Автор: Филюшкин Александр Ильич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории славянских и балканских стран Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, ilich_fil@mail.ru

Заголовок: «Лифляндская хроника» Соломона Геннинга.

Резюме: В статье анализируется последняя из четырех ливонских хроник XVI в. — «Лифляндская хроника» Соломона Геннинга (1528–1589). Она была впервые опубликована в 1590 г. в Ростке. Геннинг был секретарем Готарда Кеттлера, последнего магистра Ливонского ордена и первого герцога Курляндии. Его хроника является апологией, прославлением Кеттлера как христианского государя, который в своем курляндском герцогстве сохранил «кусочек» Ливонии от полного уничтожения и исторического забвения. Хроника является недооцененным историческим источником по истории Ливонской войны и мало привлекалась историками, между тем, она содержит много уникальных фактов как по истории Курляндии, так и по истории Ливонской войны.

Ключевые слова: Ливонская война, Ливония, Курляндия, Готард Кеттлер.

Information about the article

The author acknowledges Saint-Petersburg State University for a research grant № 5.38.62.2011.

Author: Filjushkin, Alexander Ilich, Doctor of Historical Science, Head of the Department of Slavic and Balkan Studies of St.-Petersburg state University ilich_fil@mail.ru

Title: «The Liflandian chronicle», written by Solomon Henning.

Summary: The Paper is devoted to the analyze of the last from the four Livonian chronicles of the 16th cent. — «The Liflandian chronicle», written by Solomon Henning (1528–1589). It was published in 1590 in Rostock for the first time. Henning was the secretary of Gotard Kettler, the last Master of the Livonian Order and the first Duke of Curlandia. His Chronicle was the apology, glorification of Kettler as a Christian sovereign, which had saved in his Curlandian Duchy small «part» of Livonia. The Chronicle is an underestimate historical sources about Livonian War.

Scholars used it rare, but it contains a lot of unique facts about the history of Curlandia and the history of Livonian War.

Keywords: Livonian War, Livonia, Curlandia, Gotard Kettler

References

- Detloff, Klatt. *David Chytraeus als Geschichtslehrer und Geschichtschreiber*. Rostock: Adler, 1908. 202 s.
- Glaser, Karl-Heinz (hrsg). *David Chytraeus (1530–1600). Norddeutscher Humanismus in Europa. Beiträge zum Wirken des Kraichgauer Gelehrten*. Ubstadt-Weiher: Verlag Regionalkultur, 2000. 195 s.
- Hormuth, Dennis. *Livonia est omnis devisa in partes tres. Studien zum mental mapping der livländischen Chronistik in der Frühen Neuzeit (1558-1721)*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2012. 248 s.
- Keller, Rudolf. *Die Confessio Augustana im theologischen Wirken des Rostocker Professors David Chyträus (1530–1600)*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1994. 239 s.
- Recke, Johann Friedrich von; Napiersky, Karl. *Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexicon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland*. Zweyter Band. G-K. Mitavi: J. F. Steffenhagen und sohn., 1829. 620 s.
- Schiemann, Theodor. *Salomon Hennings Livländischkurländische Chronik*. Mitau: Behre, 1874. 44 s.
- Zeps, Valdis (ed.). *Salomon Henning's Chronicle of Courland and Livonia*. Dubuque, Iowa: Kendall-Hunt Pub. Co.; Madison, Wis.: Baltic Studies Center, 1992. 285 p.